Современная петербургская философия также не теряет связь с университетом, точнее, философским факультетом, открытым в 1940 г. История философского факультета во многом еще ждет своих исследователей. Не касаясь имен замечательных преподавателей и ученых, связавших свою жизнь с философским факультетом, направлений и теорий, которые они разрабатывали, отмечу, что в XX в. философия в Петербурге вышла за пределы университета. В качестве примера укажу на кружок христианской философии К.К. Иванова и Философско-культурологический исследовательский центр «Эйдос» Л.М. Моревой. Преимущественно вне философского факультета раскрылось философское дарование А.В. Демичева, Э.В. Соколова и А.Г. Чернякова. Незавершенность самого процесса не позволяет в полной мере оценить современное состояние петербургской философии. История философии имеет дело с явлениями в смысловом отношении определенными, ясными по своим границам и последствиям. Именно таким сюжетам и именам посвящены публикуемые ниже статьи.

УДК 141.7(47) ББК 87.3(2)521-574

ОРЕСТ МИЛЛЕР И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО¹

А.В. МАЛИНОВ

Санкт-Петербургский государственный университет Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Рассматривается славянофильская публицистика Ореста Федоровича Миллера (1833–1889), историка русской литературы, исследователя русского эпоса, первого биографа Ф.М. Достоевского, убежденного славянофила, активного участника Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, популяризатора и пропагандиста славянофильских идей. Дан анализ славянофильской доктрины Миллера с привлечением наиболее важных в этом отношении его работ: цикла статей «Основы учения первоначальных славянофилов», сборника статей «Славянство и Европа» и др. Обозначена либеральная позиция Миллера как идеолога славянофильства по таким вопросам, как свобода слова и свобода совести, отмена крепостного права, нравственная концепция личности как органа сознания. Анализируются истоки и основные черты славянофильской идеологии в гуманистических идеалах христианства. Уделено внимание отражению славянофильского учения Миллера в его публицистике: очерках, публичных выступлениях, статьях. Показано, что, принадлежа к следующему после «ранних» славянофилов поколению, Миллер был представителем академического славянофильства в Санкт-Петербурге.

¹ Работа выполнена в рамках НИР СПбГУ (23.38.328.2015).

Ключевые слова: славянофильство, личность, свобода слова, свобода совести, христианство, национальное сознание, идеализм, гуманизм.

OREST MILLER AND SLAVJANOFILSTVO

A.V. MALINOV

Saint Petersburg State University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
a.v.malinov@gmail.com

The article discusses the Slavophile Publicistics of Orest Fedorovich Miller (1833-1889). Historian of Russian literature, researcher of Russian epic, first biographer of FM Dostoevsky, Miller was convinced Slavophile, an active member of the St. Petersburg Slavic Benevolent Society, popularizer and promoter of Slavophile ideas. The analysis of the Slavophile doctrine Miller is given. We consider the most important in this regard the work of Miller: a series of articles «Basic teachings of the original Slavophiles», a collection of articles «Slavs and Europe» and others. The author denotes liberal position of Miller as an ideologue of Slavophilism on issues such as freedom of speech and freedom of conscience, the abolition of serfdom, moral concept of the person as an organ of consciousness. It analyzes the origins and main features of the Slavophile ideology in the humanistic ideals of Christianity. The author pays attention to the reflection of Slavophile doctrine Miller in his journalism: essays, public speeches and articles. It is shown that, belonging to the next after the «early» Slavophiles generation, Miller was a representative of the academic Slavophilism in St. Petersburg.

Key words: Orest Miller, slavjanofilstvo, person, freedom of speech, freedom of conscience, Christianity, national consciousness.

Отечественная литература не богата исследованиями об Оресте Федоровиче Миллере (1833–1889). Если бы не мемориальные работы учеников (Б.Б. Глинского и И.А. Шляпкина), изданные вскоре после смерти петербургского профессора, то можно было бы сказать, что изучение творчества Миллера практически не начиналось. С горечью приходится констатировать, что Миллер принадлежит к числу если и не вовсе забытых, то полузабытых деятелей отечественной науки. Историк русской литературы, автор фундаментального исследования «Илья Муромец и богатырство киевское» (1869) и трехтомных лекций «Русские писатели после Гоголя» (выдержавших до 1915 г. шесть изданий), первый биограф Ф.М. Достоевского, он редко привлекал внимание последующих исследователей. Два десятилетия назад была опубликована посмертная статья Ф.М. Селиванова «О.Ф. Миллер – исследователь эпоса»²; биографии Ф.М. Достоевского, составленной Миллером, посвящена статья Н.М. Перлиной³; в 2010 г. в Магнитогорске была защищена диссертация К.А. Окишевой «Ф.М. Достоевский и О.Ф. Миллер: история взаимоотношений»⁴; в том же году были изданы

 $^{^2}$ См.: Селиванов Ф.М. О.Ф. Миллер – исследователь эпоса // Русский фольклор. Вып. 28. СПб., 1995. С. 20–31 [1].

 $^{^3}$ См.: Перлина Н.М. Первая посмертная биография Ф.М. Достоевского – анализ источников // Статьи о Достоевском. 1971–2001. СПб., 2001. С. 121–134 [2].

 $^{^4}$ См.: Окишева К.А. Ф.М. Достоевский и О.Ф. Миллер: история взаимоотношений: автореф. . . . канд. филол. наук. Магнитогорск, 2010. 23 с. [3].

письма О.Ф. Миллера к И.С. Аксакову⁵. Фактически, это все итоги изучения творчества Миллера за последние десятилетия. В то же время Миллер был активным деятелем славянофильского движения, плодовитым публицистом. Вместе с В.И. Ламанским, К.Н. Бестужевым-Рюмным, М.О. Кояловичем и другими он принадлежал к так называемому академическому славянофильству. Славянофильская публицистика Миллера оказалась не изучена вовсе.

Славянофильство Миллера было не плодом умозрительного вывода или даже волевого выбора, но важнейшим фактом его биографии, формой национально-культурного самоопределения. Осознавая себя всецело русским человеком, он считал делом ученого и педагога популяризировать славянофильское учение и разъяснять его основные положения. Делать это было тем проще, что славянофильство, обладая вполне определенными чертами историкофилософского и культурно-исторического явления, тем не менее, не имело жесткой догматики. Вместе с тем среди европеизированной русской интеллигенции о славянофильстве сложился ряд превратных представлений и откровенных мифов. С целью развеять последние и опровергнуть первые Миллер и задумал публикацию небольшого цикла статей под общим заглавием «Основы учения первоначальных славянофилов», занявшего в двух номерах журнала «Русская мысль» в общей сложности 70 страниц. Он отнюдь не стремился к систематизированной догматизации славянофильской доктрины, а лишь намеревался расставить в учении славянофилов акценты, подчеркивающие наиболее значимые и принципиальные, с его точки зрения, моменты учения.

Принадлежа уже к другому, следующему за ранними славянофилами поколению, Миллер имел возможность, так сказать, «со стороны» оценивать пройденный славянофильством путь. Начинавшееся в качестве узкого кружка досужных московских дворян, связанных друг с другом дружескими и родственными узами, славянофильство приобрело в последней трети XIX столетия более широкое распространение, получило признание среди своих деятельных последователей. Славянофильство, уточнял Миллер, «перестало быть замкнутой uколой, чтобы подняться на степень oбщеoбразовательного начала $^{\circ}$. В то же время ученый понимал, что славянофильству еще далеко до массового явления, а славянофилам – до властителей дум образованного русского общества. Некоторую надежду давало национальное воодушевление, охватившее широкие слои русской общественности в период обострения борьбы за освобождение южных славян от османского владычества. «Мы сознали себя, наконец, как общество, как народ, самостоятельный слой», – отмечал Миллер [6, с. 205]. Сочувствие к восставшим на Балканах славянам способствовало пробуждению в русском народе национально-культурного самосознания, выразителями которого еще в 30-50-е годы XIX в. были славянофилы. В этом едином, нравственном в своей интенции порыве, всколыхнувшем широкие массы населе-

⁵ См.: Письма О.Ф. Миллера И.С. Аксакову // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 21. СПб., 2010. С. 149–172 [4].

 $^{^6}$ См.: Миллер О.Ф. Ю.Ф. Самарин. Опыт характеристики // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. Статьи и речи 1865-1877 г. СПб., 1877. С. 134 [5].

ния, славянофильство предстало в своем подлинном значении и величии, как движение народное. Еще во вступительном слове перед докторским диспутом Миллер замечал: «Пора бы бросить это варварское название, идущее со времён *шишковщины*» [7, с. 97]. Случайность и даже нарочитая оскорбительность номинации «московского кружка» была очевидна Миллеру, настаивавшему, что вместо «славянофильское», «лучше сказать, народное»⁷.

Термин «славянофильство» указывал на несущественный для этого движения национальный признак. Сам Миллер, не имевший ни капли славянской крови, служил лучшим подтверждением отсутствия в славянофильстве представления о «национальной исключительности» славянства. Вместе с этим славянофилы выступали не только против национального самодовольства, но и не принимали крайностей «самооплевывания». Они, полагал Миллер, «потому и сочувствовали ... славянам, что считали их менее всякого другого народа наклонными к исключительности, к народной гордыни»⁸. В этом отношении общегуманистические стремления в большей степени сближают славянофилов с западниками, чем с «националами» - сторонниками права силы, мечтающими о «повторении Рима в России». Более того, неверно представлять славянофилов радикальными антизападниками. Ранние славянофилы были хорошо образованными в европейском смысле людьми, знали и ценили европейскую культуру. Они не могли лишь принять презрительного отношения к своей собственной культуре, высокомерно отвергаемой с позиции некритичного и самодовольного европоцентризма.

Миллер признает утопичность взгляда славянофилов на славянство, хотя и отмечает, что славянская тема была далеко не главной в мировоззрении славянофилов. Идеализирующая оценка славянофильства, т. е. взгляд на славян с точки зрения идеала, отражает лишь общие аксиологически ориентированные взгляды славянофилов. «Если славянофилы и выставляют славян в своём вкусе лучшими, чем они были и есть, – писал Миллер, – то вкус этот верно указывает на то, чем они должны быть, что должно де наконец достигнуться человечеством, если оно действительно человечество, а не только усовершенствованная порода зверей» [8, с. 28].

Однако отношение к России у славянофилов было куда более критичным. Миллер отмечал строгость суда славянофилов над современной Россией: «Совместное признавание и русских народных благ, и русских исторических зол постоянно было выдающеюся чертою у первоначальных, чистейших представителей т. наз. славянофильства» [9, с. 86]. Именно поэтому он писал о «полноте обоюдоострой славянофильской мысли», наилучшей иллюстрацией которой может служить стихотворение А.С. Хомякова «России» (1854). Столь же реалистичны, полагал Миллер, оценки славянофилами и древней России.

 $^{^7}$ См.: Миллер О.Ф. Вступительная речь, произнесённая 25 января 1870 г. в СПб. Университете перед публичным защищением диссертации на степень доктора доцентом русской словесности О.Ф. Миллером // Заря. 1870. Февраль. С. 97 [7].

 $^{^{8}}$ См.: Миллер О.Ф. Основы учения первоначальных славянофилов // Русская мысль. 1880. Кн. III. С. 37 [8].

История, настаивал Миллер, не должна строиться по заранее принятой схеме. И возвеличивание и принижение истории народа в равной мере вытекают из априористского взгляда на прошлое. Такой взгляд вполне объясним самим появлением у нас науки истории, перенесенной на русскую почву с полным сохранением всех выработанных европейской наукой схем, формул и объяснительных конструкций. «Славянофилы, – по мнению Миллера, – одни из первых последовали принципу объективного и беспристрастного изучения прошлого. «Как бы ни ошибались славянофилы в частности, – пояснял ученый, – как бы, с другой стороны, ни оказывались они иногда непоследовательными, они были правы в том, что стояли за право самой жизни – не укладываться непременно в те умозрительные рамки, от проповедования которых именно и должна быть далека история, как опытная наука» [5, с. 163]. «Опытная» в данном выражении означает опирающаяся на достоверные факты. Впрочем, среди родоначальников славянофильства не было профессиональных историков, и историософские построения А.С. Хомякова и К.С. Аксакова не лишены схематизма.

Идеализм славянофилов, несмотря на уверения Миллера в их научной объективности, оставался характерной чертой всего движения и даже стал лейтмотивом жизненного пути самого Миллера. Идеализм этот имел христианские корни. «Ко всему и ко всем, – писал петербургский профессор, – первоначальные славянофилы с величайшей последовательностью применяли строго христианскую точку зрения, – или, говоря другим языком, высшую нравственную, т. е. чисто человеческую» [8, с. 35]. Миллер, как и ранние славянофилы, пытаясь буквально следовать христианским идеалам, фактически превратил свою жизнь в служение, в религиозное подвижничество. Он сам признавал в славянофильстве известный «религиозный порыв».

Тотальность христианских идеалов не подвергалась в славянофильстве сомнению. «Славянофилы стремились безусловно провести христианство всюду – и в общественные, и в международные отношения. Поэтому-то и не признавали ни в каком виде – ни крепостного права, ни вообще права сильного», – указывал Миллер [8, с. 43]. Общечеловеческая задача славянофилов, уточнял исследователь, заключалась «в привидении не только общественных, но и международных отношений к началам христианской нравственности» Полностью принимая эту точку зрения, он критиковал взгляды Н.Я. Данилевского и Н.М. Карамзина по вопросу о восстановлении Польши. Исходя из христианских идеалов, славянофилы, «ценя человечество во всей его целокупности, ценят и каждый из входящих в него народов, тоже во всей его целокупности» 10.

В связи с этим Миллер затрагивает одну из важнейших для славянофилов тем – учение о личности. В отличие от либеральной модели личности, подхваченной русскими западниками, согласно которой личность понимается как индивидуальная особь, наделенная разумом и волей, поступающая свободно,

 $^{^9}$ См.: Миллер О.Ф. Европа и Россия в восточном вопросе // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. Статьи и речи 1865–1877 г. СПб., 1877. С. 264–314 [10].

 $^{^{10}}$ См.: Миллер О.Ф. Западники и славянофилы в их отношениях к малорусской народности // Известия Славянского благотворительного общества. 1884. № 10. С. 4 [11].

т. е. действующая по своему разумению, и стремящаяся навязать свою волю всем другим индивидам и тем самым утвердить свои права, славянофилы видели генезис личности в развитии нравственного сознания. Человек впервые и в полной мере проявляет себя как личность лишь отрекаясь от своего эгоизма, лишь признавая права других и ограничивая свою волю ради других людей. Согласно Миллеру, «нравственность и сводится ведь к тому, чтобы, отстаивая свою личность, не только не давать ей развиваться в ущерб другим, но и сознательно жертвовать собою для общего блага»¹¹.

Подлинная свобода личности проявляется не в безграничном эгоизме, а в сознательном самоограничении в пользу других людей, в пользу общины, т. е. общества. «Я же и до сих пор держусь того, – настаивал Миллер, – что без самоотвержения, т. е. без сознательного и добровольного подчинения притязаний своей личности требованиям общего блага, – нет и не может быть свободы» [7, с. 97]. Человек в подлинном смысле становится личностью, когда поступает согласно внутреннему нравственному закону, а не вследствие подчинения внешнему принуждающему закону, – это вопрос «об отношении между нравственною силою и учреждениями» 12. Учреждения, не производя «живого добра», «способны в значительной степени ограничивать зло», учреждения навязывают «правду внешнюю», в то время как «собственно только путь правды внутренней есть путь, вполне достойный человека» 13.

Нравственная концепция личности – не только очередной идеал, на который ориентируются славянофилы. Этот идеал нашел отражение в русском эпосе и воплотился в русской истории. По словам Миллера, «в русском народном эпосе в сильной степени развито то, что я называю началом самоотвержения» ¹⁴. Полнее всего нравственная концепция личности воплотилась в древней русской истории. Носителями этого принципа личности были дружинные богатыри. Община не противоречит личности, не подавляет ее. Напротив, она дает возможность полнее проявиться личностному началу. Миллер соглашается с Ю.Ф. Самариным в том, что «рядом с безграничным развитием личности в мире германском, т. е. рядом с неизбежным обращением её там в личность привилегированную, славяно-русский мир представляет нам развитие общинного начала, вовсе не подавляющего личность, но только удерживающего её в добровольно признаваемых ею границах» ¹⁵.

Из нравственного понимания личности вытекает и такое неотъемлемое ее право, как свобода слова. «Свобода мысли и слова в учении славянофилов выводится непосредственно из самой природы человека, как мыслящего и словесного

¹¹ См.: Миллер О.Ф. Основы учения первоначальных славянофилов // Русская мысль. 1880. Кн. І. С. 81 [12].

¹² Там же. С. 83.

¹³ Там же.

 $^{^{14}}$ См.: Миллер О.Ф. Вступительная речь, произнесённая 25 января 1870 г. в СПб. Университете перед публичным защищением диссертации на степень доктора доцентом русской словесности О.Ф. Миллером. С. 97.

¹⁵ См.: Миллер О.Ф. Ю.Ф. Самарин. Опыт характеристики. С. 149.

существа», – констатировал Миллер [12, с. 87]. Он, как и большинство славянофилов, был страстным пропагандистом свободы слова, рассматривая «право духовной свободы» в качестве одного из основополагающих требований славянофильского учения. Выступления и статьи Миллера неоднократно запрещались, что делало требование свободы слова для него не только способом отстаивания идеального принципа, но и естественной жизненной позицией, или, по его словам, обязанностью. «Но это право, – писал ученый о свободе слова, – понимаемое у славянофилов так широко, как ни у кого более, и в котором одном заключается для них единственно нужное, по их мнению, правственное обеспечение, это право есть вместе с тем и обязанность (в нашем русском воззрении и вообще не проводится резкой грани между обязанностями и правами)» [12, с. 88].

Свобода слова означает свободу высказывания различных точек зрения, беспрепятственное выражение мнения, в том числе, оппонентов. Свободу слова славянофилы выводили из существовавшей в допетровской Руси свободы общественного мнения, указывая на историческую укорененность своих требований, на их соответствие историческим началам русской жизни. Свобода слова не даруется властью, она существует наряду и наравне с властью. Свобода слова не привилегия, а естественное право человека. В силу этого, для славянофилов не приемлемо обращение к власти; требование свободы слова обращено к обществу и осознающей свое достоинство личности. «"Самобытники" никогда даже не искали непосредственного доступа к власти хотя бы путём тех (не даром и термин иностранный) аудиенций, которых, напротив, искали и отчасти достигали литературные доктринёры западники (хотя бы и ратовавшие за официальную народность). "Самобытники", - разъяснял Миллер, - знали только старорусскую форму непосредственного общения с властью - земскую, не келейную, а вслух, на виду у всех. Они жаждали только общения с властью путём свободного слова» [13, с. 10]. «Это своё "свободное слово", продолжал ученый, понимали они в смысле не только свободы печати, но и свободы мнения вообще - свободы ... земского голоса, ... народосоветия» [13, с. 10]. Отсюда вытекала и особенность славянофильских споров - уважительное отношение к своим противникам, допущение противоположной точки зрения. Терпимость к мнению оппонентов непосредственно перекликалась у славянофилов с терпимостью религиозной, с требованием свободы совести.

Свобода слова неотделима от христианства, не признающего любые формы принуждения в делах веры. Миллер, в четырнадцатилетнем возрасте перешедший в православие, полагал, что православие полнее сохранило и дольше придерживалось принципа доброй воли в вероисповедных вопросах, в то время как западноевропейская толерантность была вынужденной мерой, выстраданной в результате периода жестоких религиозных войн. Европейская терпимость, таким образом, лежит в области внешних норм социального регулирования, а не в душеной потребности христианина, видящего в свободе путь личного спасения. «Дело в том, – разъяснял Миллер, – что идея так называемой свободы совести на Западе развилась из рационализма – в связи с вытекающим из него равнодушием к вере (индефферентизмом). У нас же веротерпимость в былое время провозглашалась её многочисленными исповедниками прямо во

имя веры, на том простом основании, что действительно уверовать и можно только cвoбod ho» [14, с. 19]. Несовместимая с христианством нетерпимость проникала на Русь вместе с византийским и западным влиянием, приносившим языческий аристократизм античного мира.

Миллер замечал, что требование свободы слова было для славянофилов развитием и расширением понимания христианской свободы совести. Свобода мнения означала распространение христианского начала веротерпимости на сферу общественной жизни. «А эту свободу *церковной кафедры*, – пояснял он, – славянофилы постоянно представляли себе не иначе как рядом с полнейшей свободой кафедры светской» [8, с. 36]. Требование и право свободы совести и свободы слова столь же не устранимы из жизни, как и религиозные чувства человека. Славянофильское требование свободы слова и совести имеет религиозные истоки, а не следует либеральным принципам социального атомизма, хотя формально с ним совпадает. Однако свобода совести не просто личное дело индивида, не только голос его совести. Свобода совести в более широкой форме терпимости, не насильственности должна быть проведена в социальную жизнь. Для Миллера актуальным оставался вопрос юридического закрепления свободы совести. Государство не должно вводить и навязывать свободу совести, достаточно, чтобы оно ее признавало. Выводя веротерпимость из созвучного христианству характера русского народа, Миллер замечал, что «необходимо, чтобы, согласно с характером русского народа, полнейшая свобода совести признавалась у нас и законом» 16. Взращенная христианством терпимость должна стать основой и политической деятельности.

Другой важнейший пункт славянофильской программы – борьба за отмену крепостного права. Причем славянофилы считали крепостное рабство как противоречащим духу христианства, так и не эффективным с экономической точки зрения. Осуждая сам принцип личной зависимости, Миллер отмечал, что «весь ход нашей истории с самого татарского ига мог только самым неблагоприятным образом действовать на народ»¹⁷. Однако окончательно крепостное право сформировалось и закрепилось в России во многом под влиянием европейских идей и начал, разрослось и окрепло начиная с эпохи европеизации, т. е. с XVIII в. «Европействующая интеллигенция», отмечал он два десятилетия спустя после отмены крепостного права, до сих пор страшится последствий освобождения крестьян.

Итак, «высшее развитие крепостного права относится уже к Руси, удостоившейся наития европейской просветительской философии» ¹⁸. Миллер объяснял это обстоятельство тем, что европейская цивилизация изначально строи-

¹⁶ См.: Миллер О.Ф. Культурные и политические панслависты // Русский курьер. 1888. 15 октября. № 285 [15].

¹⁷ См.: Миллер О.Ф. Вступительная речь, произнесённая 25 января 1870 г. в СПб. Университете перед публичным защищением диссертации на степень доктора доцентом русской словесности О.Ф. Миллером. С. 105.

 $^{^{18}}$ См.: Миллер О.Ф. О церкви в исторической жизни русского народа (по поводу пятисотлетия от начала архипастырства Св. Стефана Пермского) // Русь. 1883. 13 апреля. № 8. С. 21 [14].

лась на принципе неравенства. «Ведь цивилизация, – писал он, – если вникнуть в её сущность – всё ещё создаётся немногими и для немногих» [14, с. 22]. Аристократический европоцентризм особенно заметно сказался в эпоху Просвещения. Неслучайно, один из российских его последователей, Феофан Прокопович, называл в проповедях простой народ «дешевыми душами». Миллер осуждает такой взгляд с христианской точи зрения: «Это прямое нечестие на языке церкви; но подданные царства культуры не могут иначе выразиться о некультурных людях» [14, с. 22]. Вместе с этим он осуждает и все противохристианское направление развития европейской культуры.

Неприятие крепостного рабства составляет одно из коренных начал русской жизни, бесспорный факт русской истории. Заслуга славянофилов состояла именно в том, что они стремились возвратить русское общество к этим коренным началам. Как писал Миллер, в основу крестьянского освобождения «легла древнерусская непременная принадлежность человека земле. Не мешало бы вспомнить о том, что если в основу великого дела легло именно это начало, то следует быть благодарным не самоновейшим "бюрократическим соображениям", а роющемуся в старинных лохмотьях славянофильству» [16, с. 12]. Исторические аргументы стали главными и при формулировании славянофилами принципов крестьянской реформы: «Положения эти сводятся собственно к двум: признанию исторического права крестьян на землю и признанию необходимости сохранить общину» [5, с. 169]. Отмена крепостного права, был убежден Миллер, открыла новый этап в истории русского народа.

Славянофилы никогда не чуждались европейской философии и культуры. Магистерская диссертация Миллера была написана с гегельянских позиций. Немецкий идеализм стал той философской основой, на которой выросло славянофильство. Возможно, гегельянство подготовило и тот мировоззренческий переворот, который привел Миллера к славянофильству. Орест Федорович прямо указывал на значение Гегеля для формирования славянофильской идеологии.

Конечно, славянофильство в первую очередь имело корни в русской истории и действительности, в тех идейных течениях, которые дали о себе знать в эпоху европеизации. Прежде всего – это критика заимствований и европеизма как системы ценностей, отрицающих основы русской народной жизни и мировоззрения. Критика эта стала набирать силу со второй половины XVIII в. и открыто заявила о себе в последней трети столетия, когда в полной мере проявились отрицательные последствия европеизации. Критическое умонастроение этой эпохи можно назвать «просвещенным национализмом». Для Миллера ключевой фигурой здесь был Н.И. Новиков. Как писал петербургский профессор, «домашний источник, сказавшийся ещё в XVIII в., - это вполне разумное сознание всех нелепых крайностей нашего подражательного периода (крайностей, за которые всего менее должен бы отвечать Пётр Великий) и чувство неудовлетворённости его практическими результатами, вполне понятное при возмутительной мишуре нашего "философского века", когда, с одной стороны, восхищались "Наказом", с другой же, только больше надвигалось ярмо на шею крестьянина. Уже при теперешних историко-литературных данных не трудно было бы проследить непрерывающуюся нить, восходящую от современных нам славянофилов до Новикова. Гегельянство только дало своеобразный толчок и придало особый оттенок (а вместе с тем и санкцию со стороны европейской же мудрости) направлению, которое давно уже просачивалось у нас в виде самобытного родника» [5, с. 136]. Как это, может быть, не покажется странным, но к ранним единомышленникам славянофилов Миллер относил и итальянского мыслителя XVIII в. Д. Вико. Прижизненное одиночество Д. Вико с лихвой окупается нечаемыми им духовными наследниками - славянофилами. Нет, Д. Вико, конечно, не писал о грядущем историческом призвании славян, но он сделал основой своей историософской концепции принцип народности, отказавшись от деления народов на исторические и неисторические – этого наследия надменных языков античности. «Вико, – отмечал Миллер, – везде проводит между народами уравнивающее начало, он подрывает значение народов избранных, которым будто бы дано всё, тогда как другим не дано ничего, и они должны довольствоваться во всём только умственною подачкою с чужого стола. Учёный демократизм Вико наносит сильный удар народам-аристократам» [17, с. 57].

Д. Вико, к сожалению, был, скорее, исключением для своего времени. И Просвещение имело свою теневую сторону. Освобождая разум и личность, борясь с предрассудками и оптимистически уповая на прогресс, просветители потемняли гуманистические ценности христианства и вместе с реабилитацией разума реанимировали языческие идеалы. И русские деятели «философского века», даже зачисляемые в предшественники славянофилов, в полной мере поддались соблазну просветительского аристократизма. Главным расхождением между славянофилами и Н.М. Карамзиным, что, собственно, и не позволяет зачислить последнего в предтечи первых, было отсутствие у славянофилов какой-либо националистической программы. Миллер недаром делает акцент на том, что славянофильство возникло на волне пробуждающегося интереса к народности (и в романтическом смысле то же). Случайность названия «московского кружа» не должна вводить в заблуждение: славянофилам были чужды представления о национальной исключительности славян. Национализм не совместим со славянофильством таким же образом, каким романтический принцип народности не совместим с просвечивающим сквозь просветительскую идеологию национализмом. Н.М. Карамзин же – деятель русского Просвещения, реализующий заложенные в нем консервативно-националистические потенции. Славянофилы принадлежат уже другой эпохе. Их увлечение народностью лишено аристократизма и национально-исторической гордыни. Их основные лозунги либеральны по содержанию. Однако Миллер находит для славянофилов другое обозначение; они - гуманисты. «У славянофилов, - писал он, - сказывались известные точки соприкосновения с Карамзиным - главным образом во взгляде на Петра Великого. Но исходные точки были совершенно различны. Карамзин подходил к тому, что называется теперь националом, славянофилы же были в сущности гуманисты - не в древне-классическом, а в христианском смысле этого слова» [8, с. 42]. Славянофилы известным образом восполняли отсутствие гуманистической стадии в развитии русской мысли, традиционно на Западе соотносимой с Ренессансом. В России гуманизм не предшествовал, а наследовал Просвещение. Аналогия с Ренессансом здесь вполне уместна. Личностью ренессансного типа среди славянофилов был, безусловно, Алексей Степанович Хомяков.

Публицистика Миллера содержит и отдельные очерки, посвященные ранним славянофилам (А.С. Хомякову, Ю.Ф. Самарину, И.С. Аксакову), которые дополняют и уточняют его интерпретацию славянофильского учения. В память о Ф.М. Достоевском 14 февраля 1881 г. Миллер произнес в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе речь «Ф.М. Достоевский и славянский вопрос». Тесные личные и дружеские отношения связывали Миллера с И.С. Аксаковым. Сохранившиеся воспоминания студентов (И.М. Гревса, С.Ф. Платонова), не разделявших славянофильских увлечений Миллера, рисуют образ профессора-идеалиста, не боявшегося прямо обращаться к несочувствующей аудитории или отстаивать свое мнение перед начальством (что, в конце концов, и послужило поводом к увольнению Миллера из университета в 1887 г.). Моральный авторитет Миллера среди коллег и учеников был непререкаем. До конца жизни он оставался проповедником того идеалистического и либерального направления, которое было задано московскими славянофилами еще в 1840-е гг. и частично реализовано в реформах 1860-х гг.

Список литературы

- 1. Селиванов Ф.М. О.Ф. Миллер исследователь эпоса // Русский фольклор. Вып. 28. СПб., 1995. С. 20–31.
- 2. Перлина Н.М. Первая посмертная биография Ф.М. Достоевского анализ источников // Статьи о Достоевском. 1971–2001. СПб., 2001. С. 121–134.
- 3. Окишева К.А. Ф.М. Достоевский и О.Ф. Миллер: история взаимоотношений: автореф. . . . канд. филол. наук. Магнитогорск, 2010. 23 с.
- 4. Письма О.Ф. Миллера И.С. Аксакову // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 21. СПб., 2010. С. 149–172.
- 5. Миллер О.Ф. Ю.Ф. Самарин. Опыт характеристики // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. Статьи и речи 1865–1877 г. СПб., 1877. С. 130–192.
- 6. Миллер О.Ф. Славяне и русское общество // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. Статьи и речи 1865–1877 г. СПб., 1877. С. 193–205.
- 7. Миллер О.Ф. Вступительная речь, произнесённая 25 января 1870 г. в СПб. Университете перед публичным защищением диссертации на степень доктора доцентом русской словесности О.Ф. Миллером // Заря. 1870. Февраль. С. 96–106.
- 8. Миллер О.Ф. Основы учения первоначальных славянофилов // Русская мысль. 1880. Кн. III. С. 1–44.
- 9. Миллер О.Ф. Русско-славянский вопрос и «начало народности» (по поводу книги г. Фадеева «Мнение о восточном вопросе») // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. Статьи и речи 1865-1877 г. СПб., 1877. С. 79-113.
- 10. Миллер О.Ф. Европа и Россия в восточном вопросе // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. Статьи и речи 1865–1877 г. СПб., 1877. С. 264–314.
- 11. Миллер О.Ф. Западники и славянофилы в их отношениях к малорусской народности // Известия Славянского благотворительного общества. 1884. № 10. С. 2–12.
- 12. Миллер О.Ф. Основы учения первоначальных славянофилов // Русская мысль. 1880. Кн. I. С. 77–102
- 13. Миллер О.Ф. Исповедники и партия // Известия Славянского благотворительного общества. 1884. № 1. С. 7–13.

- 14. Миллер О.Ф. О церкви в исторической жизни русского народа (по поводу пятисотлетия от начала архипастырства Св. Стефана Пермского) // Русь. 1883. 13 апреля. № 8. С. 14–24.
- 15. Миллер О.Ф. Культурные и политические панслависты // Русский курьер. 1888. 15 октября. № 285.
- 16. Миллер О.Ф. Славянский вопрос в науке и в жизни (по поводу «Обзора истории славянских литератур» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича. С.-Петербург, 1865) // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. Статьи и речи 1865–1877 г. СПб., 1877. С. 1–71.
- 17. Миллер О.Ф. Вико и значение его «новой науки» для «психологии народов» // Заря. 1870. Апрель. С. 46–71.

References

- 1. Selivanov, F.M. O.F. Miller issledovatel' eposa [O. F. Miller the researcher epic], in *Russkiy fol'klor* [Russian folklore], Saint-Petersburg, 1995, vol. 28, pp. 20–31.
- 2. Perlina, N.M. Pervaya posmertnaya biografiya F.M. Dostoevskogo analiz istochnikov [The first posthumous biography F.M. Dostoevsky analysis of the sources], in *Stat'i o Dostoevskom*. *1971–2001* [Articles about Dostoevsky], Saint-Petersburg, 2001, pp. 121–134.
- 3. Okisheva, K.A. F.*M. Dostoevskiy i O.F. Miller: istoriya vzaimootnosheniy*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [F.M. Dostoevsky and O. Miller: history of mutual relations. Abstract of the cand. filol. sci. diss.], Magnitogorsk, 2010. 23 p.
- 4. Pis'ma O.F. Millera I.S. Aksakovu [Letters O.F. Miller I.S. Aksakov], in *Veche. Zhurnal russkoy filosofii i kul'tury*, 2010, issue 21, pp. 149–172.
- 5. Miller, O.F. Yu.F. Samarin. Opyt kharakteristiki [Y.F. Samarin. Experience characteristics], in Miller, O.F. *Slavyanstvo i Evropa. Stat'i i rechi 1865–1877 g.* [Slavs and Europe. Articles and speeches of 1865–1877], Saint-Petersburg, 1877, pp. 130–192.
- 6. Miller, O.F. Slavyane i russkoe obshchestvo [Slavs and Russian society], in Miller, O.F. *Slavyanstvo i Evropa. Stat'i i rechi 1865–1877 g.* [Slavs and Europe. Articles and speeches of 1865–1877], Saint-Petersburg, 1877, pp. 193–205.
- 7. Miller, O.F. Vstupitel'naya rech', proiznesennaya 25 yanvarya 1870 g. v SPb. Universitete pered publichnym zashchishcheniem dissertatsii na stepen' doktora dotsentom russkoy slovesnosti O.F. Millerom [Opening speech pronounced by January 25, 1870 in St. Petersburg. University before the public protected the thesis for a doctorate assistant professor of Russian literature O.F. Miller], in *Zarya*, 1870, Fevral', pp. 96–106.
- 8. Miller, O.F. Osnovy ucheniya pervonachal'nykh slavyanofilov [Basic teachings of the original slavophiles], in *Russkaya mysl'*, 1880, vol. III, pp. 1–44.
- 9. Miller, O.F. Russko-slavyanskiy vopros i «nachalo narodnosti» (po povodu knigi g. Fadeeva «Mnenie o vostochnom voprose») [Russian-Slavic question «the beginning of the nationality» (about the book of Fadeev «Opinions on the Eastern question»)], in Miller, O.F. *Slavyanstvo i Evropa. Stat'i i rechi 1865–1877 g.* [Slavs and Europe. Articles and speeches of 1865–1877], Saint-Petersburg, 1877, pp. 79–113.
- 10. Miller, O.F. Evropa i Rossiya v vostochnom voprose [Europe and Russia in the Eastern Question], in Miller, O.F. *Slavyanstvo i Evropa. Stat'i i rechi 1865–1877 g.* [Slavs and Europe. Articles and speeches of 1865–1877], Saint-Petersburg, 1877, pp. 264–314.
- 11. Miller, O.F. Zapadniki i slavyanofily v ikh otnosheniyakh k malorusskoy narodnosti [Westerners and Slavophiles in their relationship to the Little Russian nationality], in *Izvestiya Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*, 1884, no. 10, pp. 2–12.
- 12. Miller, O.F. Osnovy ucheniya pervonachal'nykh slavyanofilov [Basic teachings of the original slavophiles], in *Russkaya mysl*', 1880, vol. I, pp. 77–102.
- 13. Miller, O.F. Ispovedniki i partiya [The confessors of and party], in *Izvestiya Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*, 1884, no. 1, pp. 7–13.

- 14. Miller, O.F. O tserkvi v istoricheskoy zhizni russkogo naroda (po povodu pyatisotletii ot nachala arkhipastyrstva Sv. Stefana Permskogo) [On the Church in the historical life of the Russian people. (For the beginning of the quincentenary arhipastyrstva St. Stephen of Perm)], in *Rus*', 1883, 13 aprelya, no. 8, pp. 14–24.
- 15. Miller, O.F. Kul'turnye i politicheskie panslavisty [Cultural and political Panslavists], in *Russkiy kur'er*, 1888, 15 oktyabrya, no. 285.
- 16. Miller, O.F. Slavyanskiy vopros v nauke i v zhizni (po povodu «Obzora istorii slavyanskikh literatur» A.N. Pypina i V.D. Spasovicha. S.-Peterburg, 1865) [Slavic question in science and in life (For the «Survey of the history of Slavic literatures» A.N. Pypin and V.D. Spasovich. St. Petersburg, 1865)], in Miller, O.F. *Slavyanstvo i Evropa. Stat'i i rechi 1865–1877 g.* [Slavs and Europe. Articles and speeches of 1865–1877], Saint-Petersburg, 1877, pp. 1–71.

17. Miller, O.F. Viko i znachenie ego «novoy nauki» dlya «psikhologii narodov» [Vico and the value of his «new science» for the «psychology of nations»], in *Zarya*, 1870, Aprel', pp. 46–71.

УДК 141.333(47) ББК 87.3(2)522-608

ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА Ф. ДОСТОЕВСКОГО¹

И.И. ЕВЛАМПИЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия, д. 5, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация E-mail: yevlampiev@mail.ru

В литературе о Ф.М. Достоевском под влиянием идей М. Бахтина сложилось мнение о том, что философские идеи Достоевского не составляют целостной системы. В противоположность этому доказывается, что Ф.М. Достоевский в своем творчестве пытался выразить целостную философию человека. На основе анализа художественных произведений и публицистики писателя высказывается гипотеза о том, что главный принцип мировоззрения Достоевского – это идея о существовании людей, «высших типов», которые обладают «мистической» способностью непосредственно влиять на других людей и на мир вокруг, именно они определяют ход истории. Показано, что этот принцип Ф.М. Достоевский связывает с представлением о мире как о сновидении. Утверждается, что последнюю идею Достоевский мог заимствовать у Шекспира. Доказывается, что герои-мечтатели раннего творчества Достоевского демонстрируют первую стадию правильного развития личности, итогом которого может стать превращение мечтателя в мистика, т.е. в «высшего типа». В качестве одного из таких типов рассматривается герой рассказа «Сон смешного человека», который побывал на «том свете» и узнал, что после смерти жизнь продолжается в форме, подобной земной жизни. Дан анализ этих идей Ф.М. Достоевского в сопоставлении с идеей вечного возвращения в философиях Ф. Ницше и М. Хайдеггера.

¹ Статья подготовлена в рамках НИР Санкт-Петербургского государственного университета «Университетская философия в контексте социальных процессов: интеллектуальная история и коллективная биография» (проект 23.38.328.2015).